

Как поступит
настоящий деловой человек,
узнав о том, что скоро умрет?
Составит подробный бизнес-план
последних месяцев своей жизни

В погоне за ускользающим светом

Как грядущая смерть
изменила мою жизнь

Юджин О'Келли

ДОБРАЯ КНИГА

Юджин О'Келли, 53-летний руководитель североамериканского отделения KPMG, одной из крупнейших аудиторских компаний мира, был счастливым: блестящая карьера, замечательная семья, успех и достаток. День 24 мая 2005 года стал для него переломным: неожиданно обнаруженный рак мозга в терминальной стадии сократил перспективы его жизни до трех месяцев.

Шесть дней спустя Юджин начал новую жизнь, которую многие годы откладывал на будущее. Он спланировал ее так, как и подобает топ-менеджеру его ранга: провел аудит прошлого, пересмотрел приоритеты, выполнил полный реинжиниринг жизненных бизнес-процессов и разработал подробный бизнес-план с учетом новых горизонтов планирования с целью сделать последние дни лучшими в жизни.

«В погоне за ускользающим светом» — дневник мучительного расставания успешного и незаурядного человека с горячо любимым миром; вдохновенная, страстная и бесконечно мудрая книга о поиске смысла жизни и обращении к истинным ценностям перед лицом близкой смерти.

личная эффективность

практическая психология
для делового человека

2
часа

ISBN 978-5-98124-715-6

9 785981 247156

16+

Внимание,
возрастные
ограничения!

www.dkniga.ru

ДОБРАЯ КНИГА

книги для высокоэффективной жизни™

В ПОГОНЕ
ЗА УСКОЛЬЗАЮЩИМ
СВЕТОМ

Юджин О'Келли
и Эндрю Постман

CHASING DAYLIGHT

*How My Forthcoming Death
Transformed My Life*

A final account

Eugene O'Kelly
with Andrew Postman

В ПОГОНЕ ЗА УСКОЛЬЗАЮЩИМ СВЕТОМ

*Как грядущая смерть
изменила мою жизнь*

Последний аудиторский отчет
Юджина О'Келли (KPMG)

Юджин О'Келли
и Эндрю Постман

УДК 111.82–94, О50

В погоне за ускользящим светом / Юджин О'Келли; пер. с англ. — М.: Издательство «Добрая книга», 2018. — 176 с.

ISBN 978–5–98124–715–6

Перевод с английского Ульяны Сапциной

Юджин О'Келли, 53-летний руководитель североамериканского отделения KPMG, одной из крупнейших аудиторских компаний мира, был счастливым: блестящая карьера, замечательная семья, успех и достаток. День 24 мая 2005 года стал для него переломным: неожиданный диагноз «неоперабельный рак мозга» сократил перспективы его жизни до трех месяцев. Шесть дней спустя Юджин подал в отставку, чтобы начать новую жизнь, которую предыдущие годы постоянно откладывал на будущее. Он спланировал ее так, как и подобает топ-менеджеру его ранга: провел аудит прошлого, пересмотрел приоритеты, выполнил полный реинжиниринг жизненных бизнес-процессов, разработал подробный бизнес-план с учетом новых горизонтов планирования и успешно выполнил его. Цель: уйти достойно, сделав последние дни лучшими в жизни. Результат: книга о том, чего действительно стоит наша жизнь перед лицом смерти, как меняются человеческие ценности и приоритеты, когда приходит время задуматься над тем, что для нас действительно важно.

Издательство «Добрая книга»

Адрес для переписки / e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

На русском языке книга публикуется по соглашению с компанией McGraw-Hill Education.

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача, размещение в сети Интернет или в корпоративных сетях, в любой форме и любыми средствами, электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Eugene O'Kelly, 2006.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2007–2018 — перевод на русский язык, оформление.

Содержание

- Предисловие 7
- Дар..... 9
- У последней черты..... 26
- Смерть — дело трудное 48
- Лучшая смерть из возможных..... 75
- Светлые проводы..... 99
- Переход..... 121
- В погоне за ускользающим светом
(написано Коринной О'Келли) 155

*Посвящается Марианне и Джине,
величайшему дару моей жизни*

*Посвящается Коринне,
моей спутнице в этой жизни,
моему проводнику в приближающееся завтра*

Через окно гостиной мы смотрели, как с баржи Масу's запускают фейерверки над Ист-Ривер. Ровно год назад, в 2004-м, я видел их вблизи — меня пригласили на борт Highlander, яхты Форбсов. В то время, впрочем, как и прежде, я понятия не имел, что принесет следующий год.

Но я неточно выразился: фейерверки я не «смотрел». Вечер 4 июля 2005 года оставил отнюдь не зрительные впечатления — по крайней мере, у меня. Да, у меня ухудшилось зрение, пропала резкость, перед глазами появились пятна, что, естественно, подпортило великолепие зрелища — взрывающихся огненных шаров, которые рассыпались снопами искр в небе за окном нашей квартиры. Но даже будь эта картина отчетливой, в первую очередь меня потряс бы звук. Эхо залпов металось среди небоскребов, грохотало в каньонах манхэттенских авеню, громopodobный рокот пронизывал мое тело и мой город. Этот звук был прекрасен, он дарил зрение. Ни за что бы не подумал, что самое лучшее в фейерверках вовсе не буйство красок.

Жизнь полна сюрпризов.

Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол.

Но не самое ли это позорное невежество — думать, что знаешь то, чего не знаешь?

Сократ

Дар

Мне повезло. Я узнал, что мне осталось жить три месяца. Увидев рядом эти две фразы, можно подумать, что я шучу. Или спятил. Или моя жизнь настолько никчемна и безрадостна, что чем скорее она кончится, тем лучше.

А вот и нет. Мне нравилось, как я живу. Я обо-жал свою семью. С удовольствием общался с друзьями, делал карьеру, участвовал в работе благотвори-тельных организаций, играл в гольф. Я в своем уме и совершенно серьезно заявляю: приговор, вынесен-ный в последнюю неделю мая 2005 года и означав-ший, что до первой недели сентября, когда моя дочь Джина пойдет в восьмой класс, я вряд ли доживу, оказался подарком судьбы. Честное слово.

Ведь именно он заставил меня всерьез задумать-ся о собственной смерти, а значит, и о жизни — глуб-же, чем когда-либо прежде. Как ни досадно было, пришлось признать, что я вступил в завершающий этап жизни, решать, как провести последние сто

дней плюс–минус несколько недель, и впредь придерживаться принятых решений.

Короче говоря, я задал себе два вопроса: *должно ли завершение жизни быть худшим из ее этапов? Можно ли сделать этот процесс конструктивным и даже лучшим во всей жизни?*

«Нет» и «да» — вот как я ответил на них. Это в моих силах — приблизиться к концу, оставаясь в здравом уме (в основном), сохраняя физическую форму (насколько это возможно), в кругу близких людей.

Я же сказал: мне повезло.

Как правило, мысли о своей смерти мы гоним прочь. И я старался не думать о ней, пока в этом не было нужды. Мысли о смерти внушают нам смутную и глубокую тревогу, но раскладывая по полочкам предстоящие дела, дабы извлечь всю пользу из оставшихся дней, а затем строго придерживаться планов ради собственного блага и блага близких, несвойственно даже умирающим, а тем более крепким и здоровым людям. Некоторые не успевают подумать о кончине потому, что умирают преждевременно и скоропостижно. Из тех немногих, кого постигает такая участь — например, в автоаварии, — далеко не все даже осознают, что они смертны. Моя же смерть, хоть и преждевременная, так как диагноз я узнал в 53 года, не внезапна (по крайней мере, нельзя назвать ее внезапной через две недели после того, как до меня дошел смысл этих слов): мне без обиняков сообщили, что свой последний день на земле я проживу в 2005 году.

Кое-кто не думает о том, как извлечь максимум

пользы из завершающего этапа жизни, еще по одной причине: к тому моменту, как впереди отчетливо покажется финишная черта, эти люди физически и психически уже не в состоянии прожить последние дни так, как могли бы. В первую очередь их заботит избавление от боли.

В отличие от меня. Таких мучений на мою долю не выпало. За несколько недель до диагноза, еще не заметив, что со мной творится нечто непривычное, я совсем не испытывал боли, ровным счетом никакой. Позднее мне объяснили, что и кончится все безболезненно. На мой разум лягут тени, потом удлинятся, как на поле для гольфа ближе к вечеру — таинственное, мое самое излюбленное время для игры. Угаснет свет. Высмотреть лунку, предмет моего пристального внимания, будет все труднее. В конце концов забудется даже ее название. Померкнет сознание, на смену ему явится кома. Наступит ночь. И я умру.

Поскольку мое умирание отличали такие обстоятельства, как относительная молодость, возможность до конца оставаться в здравом уме и в целом сохранить физическую форму, отсутствие ежедневных приступов боли, общество близких людей в расцвете сил, я решил прожить последние сто дней, не упуская ни единой минуты, глядя на мир широко раскрытыми глазами. Несмотря на ухудшающееся зрение.

Ах, да: был еще один фактор, вероятно, в первую очередь обусловивший мой подход к кончине, — мое мышление. То, как я думал. Поначалу в роли аудитора, потом — инициативного бизнесмена и, наконец, — главы крупной американской компании.

К работе, обязанностям и достижениям я привык относиться серьезно, последовательно и ответственно, и все это настолько помогло мне в жизни, что я просто не мог *не* применить все эти качества, выполняя свою последнюю задачу. Преуспевающий руководитель в любых обстоятельствах мыслит стратегически и всегда нацелен на победу — так и меня привычки побуждали в последние сто дней жизни действовать с максимальной методичностью. Набор навыков, свойственных управленцам (умение видеть не только детали, но и целое, справляться с разнообразными задачами, строить планы на случай непредвиденных обстоятельств и т. д.), пригодился мне и при подготовке к смерти. (Да, и еще одно: события заключительных дней жизни преподали мне уроки, которые помогли бы мне как руководителю и как человеку, узнай я их раньше.) Применяя систематический подход к своему последнему проекту, я надеялся, что он не оставит тягостных воспоминаний у тех, кто окружает меня, а сам я проживу три лучших месяца в жизни.

А если бы мне не сказали про последние сто дней? Чем бы я тогда занялся?

Мне удивительно повезло.

Обдумывал очередную деловую поездку, скорее всего в Азию. Искал способы привлечения новых клиентов и одновременно планировал оказание услуг уже имеющимся. Формулировал инициативы на ближайшие полгода, год, пять лет. Список дел

у меня всегда был составлен на 12–18 месяцев — к этому призывала работа. По должности мне было положено непрестанно думать о будущем. О том, как воспользоваться успехами фирмы. Как поддерживать на должном уровне качество предоставляемых услуг. Да, формально я существовал в настоящем, но мой взгляд был прикован к ускользающей точке будущего, которая представлялась мне более важной. (Прежде чем я узнал диагноз, перед сном я думал обычно о событиях, которых оставалось ждать от одного до шести месяцев. Когда же диагноз был поставлен, стал думать... о завтрашнем дне.) В 2002 году меня избрали председателем совета директоров и руководителем американского отделения KPMG сроком на шесть лет. Но если бы все прошло по плану, в 2006 году я мог бы возглавить организацию в целом и занимать этот пост четыре года. А в 2010 году? Наверное, ушел бы на пенсию.

Я не из тех, кто строит догадки, — для этого у меня слишком прямолинейное мышление, — но представим на минуту, что никакого смертного приговора нет. Разве плохо было бы и впредь планировать, наращивать, руководить, поднимать пыль? И да, и нет. «Да» — потому что я не прочь своими глазами увидеть, как моя дочь Джина кончит школу и колледж, выйдет замуж, обзаведется детьми, скорректирует планы на будущее, в каком бы порядке это ни произошло. Провести следующий сочельник, канун дня рождения моей старшей дочери Марианны, в поисках еще не купленных подарков, подкрепляться на бегу, болтать и смеяться, как бывало каждый год

в этот день. Путешествовать и играть в гольф с моей женой Коринной, «девушкой моей мечты», с которой я прожил 27 лет, а после выхода на пенсию поселиться вместе с ней в Аризоне, о чем мы давно мечтали и заранее все продумали. Увидеть, как моя компания, в которой я проработал больше тридцати лет, с тех пор как окончил школу бизнеса, становится новым образцом качества и успеха. Стать очевидцем одной или даже трех побед нью-йоркской команды «Янки» на чемпионате по бейсболу. Побывать на Олимпиаде 2008 года в Пекине. Видеть, как растут мои внуки.

Но есть и другой ответ. «Нет» — потому что, если бы не сложившаяся ситуация, я остался бы на том же уровне сознания, что и в первые 53 года жизни. А теперь, когда я настолько обогатился, я и представить себе не могу возврат к прежнему образу мышления. Утратив нечто ценное, я в то же время приобрел кое-что другое, не менее ценное.

Еще совсем недавно весь мир лежал у моих ног. С высоты моего положения открывался редкостный для американского бизнеса вид, благодаря взгляду сверху я мог оценить внутреннюю работу самых элитных и преуспевающих компаний мира в любой отрасли, убедиться, что ими управляют незаурядные личности. Я отчетливо видел, что происходит вокруг. Мне удавалось довольно точно предсказывать пути экономического развития на ближайшее будущее. Порой я чувствовал себя могучим орлом на горной вершине — и не потому, что был неуязвим, просто сверху я видел картину в целом.

И вдруг оказалось, что я сижу не на вершине,

а на жестком металлическом стуле напротив врача, сочувственное выражение лица которого способно насторожить не только меня, но и кого угодно.

Его глаза говорили: вы скоро умрете. Кончалась весна. Моя последняя осень в Нью-Йорке осталась позади.

Все планы, которые я строил как глава компании, вмиг рухнули — по крайней мере, так мне в то время показалось. Я считал, что благодаря моей дальновидности фирма многого добилась, но теперь ее предстояло возглавить кому-нибудь другому. Будущее, о котором мечтали мы с Коринной, стало недостижимым. Как ни прискорбно, главная причина, по которой мы долгие годы жертвовали общением, и я колесил по свету и трудился не покладая рук, а именно надежда на счастливую и безбедную жизнь вдвоем после моего выхода на пенсию, оказалась пустым обещанием, только мы раньше об этом не знали. Я даже хранил в бумажнике снимок райского уголка, где мы собирались поселиться, — Стоун-Кэньон, Аризона, — но теперь о нем можно было забыть. Как и о моих личных целях на 2006, 2007 и все последующие годы.

Я всегда был целеустремленным человеком. Как и Коринна. На протяжении всей совместной жизни мы ставили перед собой долгосрочные цели, а затем упорно стремились к ним. Иными словами, мы выстраивали цепочки мелких промежуточных целей, которые вели к большим и отдаленным. А когда обстоятельства менялись, что происходило постоянно, мы пересматривали краткосрочные и долгосрочные

цели и вносили поправки в свои планы, увеличивая вероятность достижения желаемого результата. Цели на ближайшую неделю, к которым я стремился, пока не наткнулся на сочувственный взгляд врача, оказались недостижимыми. Чем раньше меня перестанут тяготить прежние планы на уже завершившуюся жизнь, тем лучше.

Мне требовалось поставить перед собой новые цели. И побыстрее.

Всю жизнь мне приносила пользу способность противостоять реальности. Помнится, сорок лет назад противостояние было не столь масштабным, но оставило глубокий след. Я вырос в Бейсайде — обособленном, не похожем на остальной Нью-Йорк «спальном районе» Куинса. В детстве я обожал бейсбол, постоянно играл в него и был питчером школьной команды. Мне казалось, что играю я неплохо. Однажды, когда базы уже были заняты, силы практически равны, а я последней дополнительной подачей спас команду, про меня даже написали в местной газете. Я считал, что это еще не предел моих возможностей.

Когда мне было четырнадцать, мама, которая годами наблюдала, как я занимаюсь спортом, сказала, что важно отличать страстное увлечение от таланта.

— Ты о чем? — не понял я.

— Даже если ты страстно мечтаешь стать великим бейсболистом, это еще не значит, что у тебя есть талант.

Мне понадобилось почти все лето, чтобы свыкнуться с тем, что сказала мама, желая мне только добра. Она хотела, чтобы я сохранил увлечение бейсбо-

лом, но вместе с тем следовал пути, на котором мог бы раскрыться мой истинный талант. Я не бросил бейсбол, не перестал быть болельщиком, но в конце концов понял, что мама права. На первом курсе я попытался пробиться в команду университета Пенсильвании, но не попал даже во второй состав. Даже моему брату, который способнее меня, не удалось подняться выше известной ступени.

Нравилось мне это или нет, такова была реальность. И я приспособился к ней. Чем старше я становился, тем быстрее приспосабливался. Я развивал в себе способность к почти мгновенным и кардинальным изменениям. То, что уже отслужило свое, я оставлял в прошлом, не испытывая душевных мук. Я никогда не оглядывался и не сворачивал с выбранного пути. Мне казалось, бессмысленно цепляться за то, что некогда имело смысл, а потом утратило его, держаться за прошлое, каким бы неприятным оно ни стало. Чем быстрее отделаешься от него, тем лучше. Особенно полезным этот навык был в бизнесе — отдельном мире, не менее стремительном и беспощадном, чем большой.

В первые же несколько дней после рокового визита к врачу я сообразил, что отныне у меня свой ход времени. *Таково положение дел*, был вынужден признать я. Осталось только выбрать цели, достижимые в моих нынешних временных рамках.

К счастью, поскольку я строил карьеру, к которой имел талант (и в конечном итоге, страсть), то мог с помощью своих знаний и умений воспользоваться преимуществами новой отрезвляющей реальности.

Только теперь вместо того, чтобы решать, как оперативно перестроить работу компании в соответствии с новыми условиями рынка, требовалось выяснить, что нужно мне, чтобы приспособиться к новым условиям жизни. Благодаря опыту и взглядам у меня был потенциал, я мог провести эндшпиль лучше, чем многие, и считал этот шанс даром судьбы.

Ключевое слово в предыдущем предложении — не *дар* или *шанс*. А *потенциал*. Превращение этого потенциала в истинный дар, который никто не сможет отнять у меня, моих близких и друзей, должно было стать главным подвигом моей жизни.

Наверное, во все это нелегко поверить. Понимаю.

В конце концов, кто так встречает смерть? Разве кому-нибудь, пусть даже аудитору, под силу сделать смерть *сносной*? Можно ли *не* отчаяться? *Не* увязнуть в трясине отрицания и нескончаемой, пусть и тщетной, погоне за чудом?

И правда, можно ли применить к смерти конструктивный подход, как к любому другому этапу жизни? Воспринять ее если не с надеждой, то хотя бы с радостью? Нет ли здесь неявного противоречия? И самое невероятное: как, черт возьми, можно вообще превратить этот страшный период в самый лучший в жизни?

Большинство людей не выносят даже мысли о призраке смерти, который маячит впереди. Не желают тратить на размышления о ней ни единой минуты. Будь их воля, они навсегда забыли бы о смер-

ти, а если и подумали бы о ней, то когда-нибудь потом. Гораздо позднее.

Но сам факт моего существования мешал им игнорировать мысли о смерти — преждевременной, непредвиденной. Это было видно по их глазам. Я выглядел гораздо старше своих 53 лет — самое меньшее на 70, а может, на 75. Обвисла правая сторона лица. Казалось, я перенес инсульт, притом скверно. От облучения я вскоре облысел, кожа черепа стала тонкой и сухой, как папиросная бумага. (Дочь Джина говорила, что я похож на Доктора Зло из комедии «Остин Пауэрс», только доброго.) Речь стала неразборчивой, я словно перекачивал во рту стеклянные шарики. Кому-то из коллег показалось, что я вдруг заговорил с массачусетским акцентом. Даже близкие и давние друзья понимали меня далеко не с первого раза. В надежде на чудо меня нередко просили — даже умоляли — пройти какой-нибудь радикальный курс лечения. Кое-кого из друзей и коллег почти оскорбляли моя позиция и избранный путь, будто я разоблачал росказни о чудесах и объявлял недостойной внимания саму веру в них. (*Само собой*, втайне я продолжал надеяться, что завтра на первой полосе «Нью-Йорк Таймс» появится статья об удивительном открытии медицины, которое обеспечит мне еще пару десятилетий жизни. Но позволить себе тратить на эту надежду хотя бы каплю энергии я не мог.) Почти все, с кем я встречался, желали мне бессмертия или хотя бы еще нескольких лет жизни. В этом случае безотлагательность того, что я олицетворял, была бы не такой безотлагательной — для них.

Люди готовят надгробные речи о самих себе. И обязательно выбирают участки на кладбище, и четко оговаривают, как распорядиться их телом — зарыть в землю, кремировать, пожертвовать на нужды медицины. Но до того, как я сам приступил к выполнению последних и самых важных задач в своей жизни, я не знал ни единого человека, который попытался бы осознанно управлять собственным умиранием. За это дело я взялся не для того, чтобы служить примером. Просто таким уж я был — методичным, организованным, прямым, основательным. Ну что тут скажешь? Я — аудитор не только по профессии, но и по своей сути. Те же качества, которые позволили мне преуспеть в мире финансов и аудита, превратили меня в человека, которому в любом деле нужен план — даже в смерти.

Я давно уверовал, что и преуспевающий бизнесмен при желании может вести духовную жизнь, и для этого ему вовсе не обязательно все бросать, покидать зал совета директоров и переселяться в ашрам, как будто только физическая удаленность способствует мыслям о возвышенном, в том числе о душе. В своей вере я не усомнился и после того, как узнал свой диагноз. Но вместе с тем я обнаружил глубины, неизвестные бизнесменам, узнал, что там стоит побывать, и лучше раньше, чем позже, потому что этот опыт приносит еще больший успех в профессиональной и личной жизни. Можно сказать, что я совершил духовное путешествие, или путешествие души.

И благодаря ему приобрел опыт, который все время был рядом, но тайно, за завесой мирского.

В последние недели жизни я узнал столько нового и удивительного (впрочем, как и ожидал), что счел своим долгом помочь людям понять: у этого жизненного этапа есть свои достоинства, *надо* только подготовиться к встрече с ними. Недели через две после того, как я узнал диагноз, в чудесный денек мы отправились побродить по Центральному парку Нью-Йорка с одним из ближайших друзей — наставником, который готовил меня к последней должности. И я сказал ему:

— Большинству людей и такого шанса не выпадает. Они либо погружены в болезнь, либо понятия не имеют, что скоро умрут. А у меня есть уникальная возможность распланировать последние дни во всех мыслимых подробностях.

Во взгляде собеседника восхищения, пожалуй, было больше, чем удивления, но ручаться не стану.

Еще в бытность свою руководителем компании я разработал программу наставничества с таким расчетом, чтобы у каждого из сотрудников был свой наставник. Позднее, в ожидании смерти, я невольно думал, что и этот опыт налагает на меня обязанность поделиться им. Мне хотелось передать обретенное знание хоть кому-нибудь, пусть даже единственному подопечному. Рассказать, как сводить на нет взаимоотношения. Как радоваться каждой минуте — так, чтобы время будто бы текло медленнее. Поведать о том, что важнее времени (речь не про любовь). О ясности и простоте. О том, как исчезает спонтанность и как необходимо возродить ее. Разве нельзя рассказать об этом людям, пока они здоровы, не до-

жидаясь смертельной болезни? Звучит дико, но я на собственном опыте убедился: каждый из нас должен уделять время мыслям о смерти и делах последних дней, пока он еще в состоянии обдумывать их.

Меня удивил и даже озадачил вопрос: *если решение о том, как именно мы умрем, является одним из наиважнейших в нашей жизни* (опять-таки в ситуациях, когда мы имеем возможность решать или заранее знаем о приближении смерти), *почему большинство людей пренебрегают этой обязанностью?* И тем самым лишают преимуществ не только себя, но и тех, кого оставляют в этом мире. А тем, кто уже подумывает когда-нибудь выбрать время и распланировать последние недели и месяцы, дам совет из двух слов: не откладывайте. Если вам 50, и вы собирались задуматься о смерти в 55 лет, не откладывайте эту задачу. И если вам 30 лет, а вы хотели задаться вопросами смерти лет через двадцать, — тоже. Но если смертельно больной человек вынужден жить по ускоренному расписанию, то у здорового нет никаких стимулов хотя бы на минуту опередить график, даже если он составлен с опозданием. В этом наш недостаток, пожалуй, бич. *Не откладывайте.* Мой близкий друг, приглашенный на Renaissance Weekend — развлекательное мероприятие специально для самых видных политиков, людей искусства, ученых, промышленников, нобелевских лауреатов и так далее, — рассказывал, что в конце выходных нескольких приглашенных просят произнести перед собравшимися краткую речь. Оратору дают три минуты и ставят одно условие: он должен говорить

так, словно сразу после окончания речи умрет. Мой друг уверял, что все речи до единой были захватывающими, а главное — неожиданными. Несомненно, мужчины и женщины, которым выпала честь произносить их, тщательно обдумывали каждое слово, но зачастую самым важным, достойным последней речи оказывалось совсем не то, чего ждут от сенатора, физика с мировым именем, крупного финансиста.

Не откладываете.

Не хочу сказать, что пример надо брать с меня. Мне предстояла уйма работы. Я совершил множество ошибок. Стремясь сохранять ясность ума, я уже через минуту понимал, что мои мысли блуждают где-то далеко в будущем или в прошлом. Я сердился. Часто плакал. Порой в меня словно бес вселялся. Выполнить задуманное удавалось далеко не с первого раза. Но я ни разу не пожалел о том, что взял под контроль свою жизнь, оставшиеся драгоценные дюймы жизненного пути в последний раз, пока еще мог.

В чем здесь неточность?

Неужели я всерьез считал, что склада ума, присущего бизнесмену, мне хватит для осмысления высоких истин о смерти и мире в целом и глубочайших вопросов из всех, какие встают перед людьми? Отнюдь. Это было бы самонадеянно. Я никогда не замечал за собой склонности к рефлексии и философствованиям. И если я верил, что деловое мышление пригодится мне на закате жизни (точно так же, как оно приносило пользу, когда я чувствовал

себя полным сил, неутомимым и практически бессмертным), то стремление полностью подчинить собственную смерть казалось мне по меньшей мере диким.

Процесс умирания оказался настолько всеобъемлющим и качественно отличающимся от моей прежней жизни, что мне пришлось *отказаться* почти от всех былых привычек, связанных с работой. Думать об этом мне было некогда, но, в сущности, шла борьба между двумя противоположностями: мной прежним и мной новым, формирующимся изо дня в день. Эта борьба, а вовсе не само умирание, и стала самым трудным испытанием для меня. Нелегко, с одной стороны, оставаться руководителем, менеджером, а с другой — раз и навсегда отказаться от лидерских привычек. Какая часть меня уцелела? Какая потерялась? Что мне поможет? Что навредит? Стану ли я гибридом самого себя, только «до» и «после»? Это хорошо? Неизбежно? Увенчается ли процесс триумфом истинного «я»?

Чему конфликт в моей жизни может научить других людей, какую пользу принесет им?

О себе я рассказываю для того, чтобы все, кому не досталось подобного «дара», извлекли для себя пользу на будущее (надеюсь, отдаленное) или настоящее (надеюсь, насыщенное). Буду рад, если читатели поймут, как важно осознать собственную смертность и связанные с ней вопросы, причем лучше раньше, чем позже, а мой опыт и взгляды помогут им не только в смерти, но и в жизни.

Почти ровно четырнадцать лет назад медсестра

вложила в руки Коринны только что родившуюся Джину. Я придвинулся ближе к жене и новорожденной дочери, испытывая благоговейный трепет. Малышка была поразительно прекрасна, разве что немного помялась в пути. Не успел я прикоснуться к ней, как она, к моему изумлению, сама протянула ручонку и ухватила меня за палец. И крепко сжала его.

Тень потрясения легла на мое лицо.

Два дня я провел как в тумане. Моя непривычная отрешенность не ускользнула от внимания Коринны. Наконец она не выдержала и спросила напрямик:

— Что с тобой? Ты на себя не похож.

Я отвел глаза.

— Скажи, что случилось?

Отмалчиваться дальше я не смог.

— Когда малышка схватила меня за палец, до меня вдруг дошло, что когда-нибудь придется с ней попрощаться.

Вот оно, счастье. И горе. Вот чем оборачиваются встречи и приветствия. Рано или поздно наступает момент прощания. И не только с близкими и родными вам людьми, но и с целым миром.

Роль бизнесмена мне очень нравилась, но затем пришел день, когда я утратил возможность играть ее. Прежде чем угаснет свет моего разума, а удлинившиеся тени скроют из виду все вокруг, я способен, по крайней мере, повелевать прощанием.